

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. В. П. Астафьева
(КГПУ им. В. П. Астафьева)
Филологический факультет
Кафедра общего языкознания

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

Китай в творческом сознании Л.Н. Толстого

Направление подготовки 45.03.02 Лингвистика

Направленность (профиль) перевод и переводоведение (русский язык как иностранный)

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ

Заведующий кафедрой:
кандидат филол. наук, доцент

Бурмакина Н.А.

«14» 05 2025 г. *Бурмакина*

Руководитель:

доктор филол. наук, доцент

Анисимова Е.Е.

«25» мая 2025 г. *Анисимова*

Дата защиты: «13» июня 2025 г.

Обучающийся: Гужэнь *Гужэнь*

Оценка удовлетворительно

Красноярск, 2025

Содержание

Введение	3
Глава I. Китай в творчестве Л. Н. Толстого: история вопроса	8
1.1. Китайская культура в восприятии Л. Н. Толстого: обзор русских и китайских исследований.	8
1.2. Китайская философия в рецепции Л. Н. Толстого: основные идеи и их адаптация в творчестве	13
Выводы по главе I	16
Глава II. Л. Н. Толстой и Китай: мировоззрение, образы, сюжеты	17
2.1. Образ Китая в личных документах писателя	17
2.2. Образ китайской императрицы Си Линши (Лэй Цзу) в прозе Л. Н. Толстого.....	29
Выводы по главе II	36
Заключение	42
Список использованных источников	45

Введение

Постановка проблемы. Литература – это зеркало общества и окно, через которое люди всех этнических групп в мире могут понять друг друга. Многие зарубежные писатели в своей жизни имели тесные связи с Китаем. Они тяготели к древней восточной цивилизации и были преданы многовековой китайской культуре. В то же время их идеи и творения также оказали влияние на Китай.

В этом отношении великого русского писателя Льва Толстого можно назвать непревзойденным. Он всегда испытывал глубокое уважение к китайскому народу, любил китайскую философию и культуру, которые фокусируются на земном счастье и пропагандируют доброжелательность, а также с энтузиазмом изучал конфуцианскую и даосскую мысль и интегрировал ее в свои собственные идейные представления.

Будучи величайшим русским писателем XIX века, Толстой использовал свое собственное творчество для того, чтобы поднять русскую реалистическую литературу на вершину ее расцвета. Его романы «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение» и другие произведения стали классикой, вошли в сокровищницу мировой литературы и оказали огромное влияние на ее развитие. Так, Гарольд Блум, автор знаменитой работы «Западный канон», из русской литературы именно Толстого включил в перечень главных мировых писателей, состоящий всего из двадцати шести имен [Блум 2017].

Уже в конце XIX и начале XX века произведения Толстого начали попадать в Китай. Согласно исследованиям, самым ранним китайским переводом произведений Толстого были 12 народных сказок, опубликованных в шанхайском «Вестнике народов» в 1906 году. Позже они были собраны в одну книгу и изданы Гонконгским Лисянским обществом под названием «Религиозные романы Толстого». Переводчиками являются немецкий пастор Е Даошэн и китаец Мак Мэйшенг.

Толстой был одновременно великим художником и глубоким мыслителем. Он обладал уникальным пониманием искусства, религии и философии. Г-н Гэн

Чжижи, известный переводчик русской литературы в Китае, восхищается Толстым за то, что он «использует свои превосходные философские идеи в литературных произведениях, чтобы донести их до широкой публики». «С тех пор мы поняли, что русская литература – это литература жизни и литература мира» [Чжижи], – резюмирует Гэн Чжижи.

Что особенно достойно внимания и исследования, так это то, что Толстой, как мыслитель, восхищался восточной философской мыслью, особенно китайским конфуцианством, даосизмом и философией Мо, и изо всех сил старался перевести ее в Россию. Он вел переписку с известными китайскими учеными Гу Хунмином и Чжан Цинтуном, редактировал и публиковал «Цитаты китайского мудреца Лао-цзы», а также написал три коротких статьи: «Книги Конфуцы», «Великое учение» и «Книга пути и истины», которые включил в сборник «Китайская мудрость» (1884). В статье «Книги Конфуцы» он писал: «Китайцы самый старый народ на свете. Китайцы самый большой народ на свете. Их 450 миллионов, чуть не вдвое больше, чем всех вместе русских, немцев, французов, итальянцев, англичан. Китайцы самый мирный народ на свете. Им чужого не нужно, и они не любят воевать. Китаец хлебопашец... И от того китайцы самый мирный народ на свете» [Толстой 1937, т. 25: 532]. Хотя статья «О трудах Конфуция» была не закончена, писатель искренне восхищался древнекитайским сельским образом жизни, который, по его мнению, тесно связан с культурой мира. Толстой сам был аристократом-аграрием и своими ближайшими союзниками считал крестьян, которые усердно трудятся на земле. Идея самосовершенствования, подчеркиваемая конфуцианством, имеет естественное сходство с мыслью Толстого о нравственном самосовершенствовании. Он утверждал, что «Любовь есть единственная разумная деятельность человека» [Толстой 1936, т. 26: 917]. Писатель не только восхищается благожелательностью конфуцианства, но и ценил «взаимную любовь» Мози.

Еще в 1877 году Толстой начал читать и изучать произведения Лао-цзы и написал большое количество переводов и аннотаций. С сентября по октябрь 1893

года вместе с Е.И. Поповым он перевел «Дао дэ цзин» Лао-цзы на основе немецкого перевода, а в 1895 году переработал «Дао дэ цзин» в переводе японца Кониши, изучавшего теологию в России. По мнению Толстого, «Дао» Лао-цзы – это «Бог», поэтому он перевел «Дао» как «Бог».

Важное место в чтении и внимании Толстого занимает древнекитайская классика. Согласно статистике, он познакомился с 32 видами китайской классики, включая Лао-Цзы, Конфуция, Мози и так далее. Будучи литературным гигантом Золотого века России, Толстой вдохновлялся многими аспектами классической китайской философии в своих исследованиях жизни и ее смысла. На склоне лет Толстой однажды сказал своему личному врачу и секретарю: «если б <я> был молод, то поехал бы в Китай» [Булгаков 1989: 157].

Актуальность исследования обусловлена возросшим интересом современной филологии к проблемам русско-китайских культурных связей, художественной рецепции и творческому наследию Л.Н. Толстого.

Новизна этой работы заключается в системном взгляде на восприятие Л.Н. Толстым китайской культуры и философии с учетом не только текстов писателя – писем, статей и художественных произведений, но и китайских первоисточников.

Целью данной работы является системное исследование восприятия Китая в творческом сознании Л.Н. Толстого.

Цель определяет решение следующих исследовательских задач.

1. Рассмотреть тему «Л.Н. Толстой и Китай» в русской, китайской и западной филологии.
2. Изучить этапы восприятия Китая Л.Н. Толстым.
3. Сопоставить китайские первоисточники и их интерпретацию Л.Н. Толстым.
4. Выявить причины интереса Л.Н. Толстого к Китаю.
5. Исследовать особенности текстов Л.Н. Толстого, посвященных китайской культуре и философии.

Объект исследования – рецепция китайской культуры в русской литературе.

Предмет исследования – восприятие Китая и его культуры в творческом сознании Л.Н. Толстого.

Материалом исследования послужили переводы, письма, статьи и художественные произведения Л.Н. Толстого, посвященные Китаю, а также их китайские первоисточники. В центре внимания находятся два рассказа писателя: «Китайская царица Силинчи» и «Как научились бухарцы разводить шелковичных червей».

Методологической базой работы стали труды по художественной рецепции и диалогу культур: «Толстой и классическая китайская культурная мысль» («托尔斯泰与中国古典文化思想») У Цзелина, “Tolstoy and China” Дерка Боддэ, В.П. Абраменко, А.Е. Лукьянова, В.М. Майорова о конфуцианстве и даосизме в мировоззрении Толстого, Ван Ланьцзюй о романе «Война и мир» в свете идей китайской философии, Сунь Юэ о сказке «Китайская царица Силинчи» и ее китайских первоисточниках, а также классические исследования о Толстом Б.М. Эйхенбаума, В.Б. Шкловского и др.

Теоретическая значимость определяется постановкой проблемы о близости мировоззрения Л.Н. Толстого китайской философии и картине мира.

Практическая значимость обусловлена возможностью использования настоящего исследования в университетских курсах по изучению китайской культуры, творчества Л.Н. Толстого, художественной рецепции, русско-китайским культурным связям.

Структура работы. Основная часть состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованных источников. Во введении обоснована актуальность работы, приведена теоретико-методологическая база, описана новизна исследования, обозначены цель и задачи. Первая глава посвящена истории вопроса научной проблемы Китай в творчестве Л.Н. Толстого, обзору русских, китайских и западных исследований, рецепции китайской философии в сознании писателя. Вторая глава направлена на изучение китайских образов и

сюжетов в документах и произведениях Л.Н. Толстого. В заключении подводятся итоги проведенного исследования и намечаются его перспективы.

Глава I. Китай в творчестве Л. Н. Толстого: история вопроса

1.1. Китайская культура в восприятии Л. Н. Толстого: обзор русских и китайских исследований

Вопрос о восприятии китайской культуры Л. Н. Толстым и его влиянии на китайскую литературу и философию привлекает внимание российских и китайских ученых на протяжении многих десятилетий. В российской науке тема «Л. Н. Толстой и Китай» была предметом изучения в работах таких ученых, как А. И. Шифман, который в своей книге «Лев Толстой и Восток» (1960) подробно рассматривает интерес Толстого к китайской культуре и его взаимодействие с китайскими публицистами [Шифман 1960: 15]. Шифман отмечает, что Толстой был хорошо знаком с историей и культурой Китая, и его уважение к китайскому народу проявлялось в его произведениях и письмах. Другим важным исследователем является К. Г. Исупов, который в своей работе «Чары троянского наследия: Лев Толстой в пространствах приязни и неприязни» (2014) анализирует восприятие Толстого в китайской культуре и его влияние на китайских интеллектуалов [Исупов 2014: 9].

В китайской науке проблема восприятия Толстого также вызвала значительный интерес. Согласно исследованиям китайских ученых, таких как Гэн Цзичжи, Толстой считается великим писателем и философом, и его произведения оказали глубокое влияние на китайскую литературу и философию [Гэн Цзичжи 1921: 36]. В китайской литературе существует множество исследований, посвященных анализу толстовских идей в китайской культуре. Среди них можно отметить работы Чу Шэннань, который в своей статье рассматривает взаимодействие Л. Н. Толстого с китайской интеллигенцией в конце XIX – начале XX вв. [Чу Шэннань 2016: 108–111]. Чу Шэннань отмечает, что Лев Толстой был хорошо известен среди китайских интеллигентов, а его идеи о непротивлении злу насилием и всеобщей любви находили широкий отклик. Китайские исследователи также обращают внимание на то, что Толстой был знаком с китайской

философией и использовал ее в своих произведениях. Например, Ван Юнцзы в своей работе «Восточная составляющая в эстетике Л. Н. Толстого» (2006) анализирует влияние китайской философии на толстовские идеи о нравственности и искусстве [Ван Юнцзы 2006: 84]. Ван Юнцзы отмечает, что Толстой был близок к конфуцианским идеям о человечности и всеобщей любви, которые он также пропагандировал в своих произведениях.

В российской науке также существует ряд исследований, посвященных анализу китайской культуры в творчестве Толстого. Так, в статье «Философия и литература: Проблемы взаимных отношений» (2018) рассматривается влияние китайской философии на толстовские идеи о нравственности и искусстве [Философия и литература: Проблемы взаимных отношений 2018]. Авторы отмечают, что Толстой был знаком с конфуцианскими и даосскими идеями и использовал их в своих произведениях, чтобы подчеркнуть важность нравственного самосовершенствования и всеобщей любви.

В целом, как в русской, так и в китайской науке, исследователи обращают внимание на глубокое влияние китайской культуры на творчество Толстого и его взаимодействие с китайской интеллигенцией. Оба направления исследований подчеркивают важность изучения китайской культуры для понимания толстовских идей и их восприятия в китайской культуре [Ван Ланьцзюй].

Остановимся подробнее на русскоязычных исследованиях, посвященных теме «Лев Толстой и Китай». Одной из ключевых работ является монография А. И. Шифмана «Лев Толстой и Восток» (1971), где подробно анализируется влияние китайской философии на мировоззрение писателя, особенно учения Конфуция, Лао-Цзы и Мо Ди [Шифман, 1971]. Шифман отмечает, что Толстой видел в китайской мысли созвучие своим идеям о нравственном самосовершенствовании и непротавлении злу насилем. Как отмечает А.И. Шифман, «В детстве и юности Толстой имел о Китае весьма смутное представление. Среди книг, которые произвели на него сильное впечатление в ранние годы, не было ни одной о жизни китайского народа. И тем не менее интерес к этой стране появился у него рано. По странной случайности Толстой в

молодости чуть не попал в Китай. Это было в конце 1855 г., когда Лев Николаевич, участвовавший в знаменитой Севастопольской обороне, решил оставить военную службу и заняться литературным трудом. В то время правительство Китая, опасаясь нависшей над ним угрозы со стороны Англии, поспешно вербовало в России военных специалистов для обучения своей армии. Молодой Толстой, опытный офицер-артиллерист, отличившийся во многих боях, получил в числе других приглашение на выгодных условиях отправиться офицером-инструктором в Китай. Его ожидала там заманчивая военная, а возможно, и дипломатическая карьера» [Шифман, 1971]. Однако писатель предпочел литературную карьеру, и поездка в Китай осталась неосуществленной.

В начале 1860-х годов Толстой вновь обращает свое внимание к Китаю в связи с походом против него английских и французских войск. В статье «Прогресс и определение образования» он отмечает: «Нам известен Китай, имеющий 200 миллионов жителей, опровергающий всю нашу теорию прогресса, и мы ни на минуту не сомневаемся, что прогресс есть общий закон всего человечества, и что мы, верующие в прогресс, правы, а не верующие в него виноваты, и с пушками и ружьями идем внушать китайцам идею прогресса <...>. В древней Греции и Риме было более свободы и равенства, чем в новой Англии с китайской и индийской войнами, в новой Франции с двумя бонапартами и в самой новой Америке с ожесточенной войной за право рабства» [Толстой 1936, т. 8: 333–334].

Подъем интереса к Китаю со стороны Л.Н. Толстого происходит в последующие десятилетия «Конец 70-х и начало 80-х годов – период перелома во взглядах Толстого – был ознаменован повышенным его интересом к китайской культуре. В эти годы он все чаще обращался к мыслителям Востока, стремясь найти в их учении идеи, созвучные его собственным размышлениям о сущности жизни, о назначении человека. Он изучал древнейшие памятники китайской культуры – трактаты философов, произведения народного творчества. Изучение Толстым культуры Китая затруднялось тем, что он не знал китайского языка» [Шифман, 1971]. В 1884 году писатель занялся философией Лао-цзы и хотел

познакомить русского читателя с китайской философией, затем вернулся к нему в 1893 году. В 1891 году, отвечая на вопрос о литературных и философских влияниях, Л.Н. Толстой особо выделил Конфуция и Мэн-цзы. В 1903 году сборник изречений «Мысли мудрых людей на каждый день» Толстой включил в него 36 изречений Лао-цзы, которые сам перевел с английского языка. В 1909 году в сборник изречений писателя вошли уже 64 афоризма Лао-цзы. С учением Конфуция Толстой познакомился в 1882 году, когда уже хорошо знал Лао-цзы. В дневниках писателя много свидетельств размышлений о философии Конфуция, в которой он находил для себя много близкого. Ещё одна область интереса Толстого – моралистическое учение Мо Ди.

Н. Г. Пряхин в работе «Проблема ненасилия и недеяния в восточной философии и культуре» (2007) сравнивает толстовское учение о непротивлении злу с даосской концепцией «у-вэй», отмечая их сходство в отрицании насилия и стремлении к гармонии с природой [Пряхин, 2007]. В статье Олега Калинина «Лао Николаевич Толстой, или как в России познали Дао» (2012) подчеркивается, что Толстой интерпретировал даосизм как универсальный моральный кодекс, близкий его собственным взглядам на духовную жизнь [Калинин, 2012]. Калинин обращает внимание на то, что Толстой адаптировал идеи Лао-Цзы к христианской этике, что стало частью его философской системы. По мнению исследователя, «Лев Николаевич особое внимание уделил принципу недеяния. Многим современникам Толстого, людям, на глазах которых происходила промышленная революция (в России), общество стремительно менялось, вставало на капиталистические рельсы, людям, от которых время требовало постоянного движения вперед и только вперед, этот принцип казался нелепым и вздорным. Действительно, как можно ничего не делать, когда все вокруг бегут, когда наука ежедневно предлагает новые удивительные достижения? Тем не менее, именно этот принцип особенно полюбил Толстой: “Недеяние – философия «великого понимания»: вроде того, как не следует делать никаких усилий для того, чтобы высвободить птенца из скорлупы. Это может только повредить ему. В своё же время он сам вылупится силой своей сущности. Так что неделание не значит

ничего не делание, а может быть, один из самых активных по сосредоточенности процессов в нашей жизни”» [Калинин, 2012].

В китайской науке тема «Толстой и Китай» также получила широкое освещение. Исследования можно разделить на несколько направлений: влияние Толстого на китайскую литературу, восприятие китайской философии Толстым и культурный обмен между двумя странами. Ключевыми исследователями являются профессор Ван Цзунху, который подчеркивает универсальность толстовского гуманизма, и Чжу Таогао, автор статьи «Л. Толстой навечно с нами» (2010), где анализируется роль Толстого в китайском культурном пространстве [Чжу Таогао, 2010].

Особое внимание в китайской науке уделяется переводам произведений Толстого. Переводчик Шэн Цзюньфэн (Цао Ин) перевел все основные работы Толстого, включая «Войну и мир» и «Анну Каренину», что способствовало глубокому пониманию его творчества в Китае [Шэн Цзюньфэн, 2006].

Акценты в китайской науке смещены в сторону анализа влияния Толстого на китайскую интеллигенцию и литературу. Например, в работах отмечается, что такие писатели, как Ба Цзинь и Лу Синь, находились под сильным влиянием толстовских идей [Чу Шэннань, 2016]. В то время как русские исследователи чаще фокусируются на философских аспектах, китайские ученые подчеркивают культурный и социальный резонанс творчества Толстого.

Основные направления исследований на тему «Лев Толстой и Китай» можно классифицировать следующим образом:

- Исследование интереса писателя к китайской философии и ее близость мировоззрению самого Л.Н. Толстого. Пример: Шифман А. И. «Лев Толстой и Восток» (1971): В книге исследуется диалог Толстого с восточной философией, особенно его интерес к конфуцианству и даосизму. Шифман отмечает, что Толстой видел в китайской мысли альтернативу западному рационализму.

- Рецепция творчества Л.Н. Толстого в Китае. Пример: Ван Цзунху «Толстой и китайская культура»: ученый анализирует, как идеи Толстого о

нравственности и простоте жизни нашли отклик в Китае, особенно среди интеллигенции начала XX века.

- Л.Н. Толстой в культурном пространстве современного Китая. Пример. Чжу Таогао «Л. Толстой навечно с нами» (2010): Автор рассматривает выставки и культурные мероприятия, посвященные Толстому в Китае, как доказательство его непреходящей популярности.

Подводя итоги, необходимо отметить, что есть существенное различие в акцентах между русскими и китайскими исследованиями о Толстом: если в России его изучают в связи с Китаем как мыслителя, то в КНР – прежде всего, как культурный и литературный феномен. Это подчеркивает универсальность его наследия. Таким образом, тема «Толстой и Китай» остается актуальной в обеих научных традициях, открывая новые перспективы для сравнительных исследований.

1.2. Китайская философия в рецепции Л. Н. Толстого: основные идеи и их адаптация в творчестве

Ван Ланьцзюй в своей диссертации «Транскультурные философские параллели: система образов романа Л. Н. Толстого “Война и мир” в свете идей Конфуция и Лао-цзы» выделил следующие доминанты восприятия писателем китайской философии и культуры. Во-первых, ученый отметил близость философских систем Л. Н. Толстого и китайских мыслителей. В частности, Ван Ланьцзюй указывает на то, что многие идеи Конфуция и Лао-цзы находят отражение в творчестве Толстого, особенно в его романе «Война и мир» [Ван Ланьцзюй 2018].

Работа Ван Ланьцзюй представляет собой глубокий анализ системы образов в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» с позиций китайской философии. Автор исследует, как идеи Конфуция и Лао-цзы могут быть интерпретированы в контексте толстовской прозы. Ван Ланьцзюй выделяет основные аспекты сходства между философскими системами и показывает, как эти идеи

адаптируются в творчестве Толстого. Работа состоит из нескольких разделов, каждый из которых посвящен анализу определенного аспекта китайской философии и его отражения в романе.

В первом параграфе монографии Ван Ланьцзюй рассматривает идею гармонии, которая является центральной в философии Конфуция. Автор показывает, как Толстой также стремится к созданию гармоничного мира в своем романе. Ван Ланьцзюй цитирует Конфуция: «В основе всего лежит гармония» и указывает на то, что Толстой также видит в гармонии основу для построения идеального общества. В романе «Война и мир» гармония проявляется в отношениях между персонажами, а также в их взаимодействии с окружающим миром [Ван Ланьцзюй 2018].

Во втором параграфе Ван Ланьцзюй обращается к идее Дао, которая является ключевой в учении Лао-цзы. Автор показывает, как Толстой адаптирует эту идею в своем творчестве. Ван Ланьцзюй отмечает, что Толстой видит в Дао нечто схожее с его собственными представлениями о божественном порядке мира. В романе «Война и мир» идея Дао проявляется в судьбах персонажей, которые подчиняются высшему порядку [Ван Ланьцзюй 2018].

В третьем параграфе Ван Ланьцзюй анализирует идею непротивления злу, которая также является важной в китайской философии. Автор показывает, как Толстой адаптирует эту идею в своем романе. Ван Ланьцзюй цитирует Лао-цзы: «Лучший способ победить врага – это не сражаться с ним» и указывает на то, что Толстой также видит в непротивлении злу способ к достижению мира. В романе «Война и мир» эта идея проявляется в судьбе Пьера Безухова, который в итоге принимает непротивление злу как свой жизненный принцип [Ван Ланьцзюй 2018].

В четвертом параграфе Ван Ланьцзюй рассматривает идею самосовершенствования, которая является важной в учении Конфуция. Автор показывает, как Толстой адаптирует эту идею в своем романе. Ван Ланьцзюй отмечает, что Толстой видит в самосовершенствовании основу для духовного развития персонажей. В романе «Война и мир» эта идея проявляется в судьбе

Наташи Ростовой, которая проходит через сложный процесс самосовершенствования [Ван Ланьцзюй 2018].

В пятом параграфе Ван Ланьцзюй анализирует идею мудрости, которая является важной в китайской философии. Автор показывает, как Толстой адаптирует эту идею в своем романе. Ван Ланьцзюй цитирует Конфуция: «Мудрость – это высшее качество человека» и указывает на то, что Толстой также видит в мудрости основу для духовного развития персонажей. В романе «Война и мир» эта идея проявляется в судьбе старика Болконского, который является символом мудрости [Ван Ланьцзюй 2018].

В заключительном параграфе Ван Ланьцзюй подводит итоги своего исследования и показывает, как идеи китайской философии адаптируются в творчестве Толстого. Автор отмечает, что Толстой видит в китайской философии источник вдохновения для создания гармоничного мира. В романе «Война и мир» идеи китайской философии проявляются в судьбах персонажей и их взаимодействии с окружающим миром [Ван Ланьцзюй 2018].

Таким образом, Ван Ланьцзюй в своей книге «Транскультурные философские параллели: система образов романа Л. Н. Толстого “Война и мир” в свете идей Конфуция и Лао-цзы» показывает, как идеи китайской философии адаптируются в творчестве Толстого. Автор выделяет основные аспекты сходства между философскими системами и показывает, как эти идеи проявляются в романе «Война и мир».

Выводы по главе I

Проведенный анализ в параграфах 1.1. и 1.2. позволяет заключить, что восприятие Л. Н. Толстым китайской культуры и философии, а также его влияние на китайскую интеллектуальную традицию представляют собой значимую область научных исследований. Русские ученые, такие как А. И. Шифман, К. Г. Исупов и О. Калинин, акцентируют философские параллели между идеями Толстого и учениями Конфуция, Лао-цзы и Мо Ди, особенно в вопросах нравственного самосовершенствования, гармонии и принципа непротivления злу. Китайские исследователи, включая Ван Ланьцзюй, Ван Цзунху и Чжу Таогао, подчеркивают культурное и литературное влияние Толстого, анализируя адаптацию его идей в китайской интеллектуальной среде и творчестве таких писателей, как Ба Цзинь и Лу Синь. Работа Ван Ланьцзюй демонстрирует, как ключевые концепции китайской философии – гармония, Дао, непротivление злу и самосовершенствование – нашли отражение в системе образов романа «Война и мир». Таким образом, исследования обеих традиций подтверждают универсальность толстовского наследия, раскрывая его глубокую связь с китайской мыслью и культурой, что открывает перспективы для дальнейших сравнительных изысканий.

Глава II. Л. Н. Толстой и Китай: мировоззрение, образы, сюжеты

2.1. Образ Китая в личных документах писателя

Изучение личных документов Л.Н. Толстого представляет особый интерес для понимания глубины его духовных связей с китайской культурой. Этот параграф посвящен комплексному анализу китайской темы в эпистолярном наследии, публицистике и биографических материалах великого русского писателя, что позволяет проследить эволюцию его взглядов на Восток.

1. Переписка Толстого с китайскими мыслителями и упоминания о Китае в письмах к европейским корреспондентам образуют важный пласт документов, раскрывающих его восточные симпатии. Остановимся на ключевых эго-документах Л. Н. Толстого, связанных с Китаем, и выделим их тематические, философские и идеологические особенности.

а) Письмо Гу Хунмину (1906 г.) – ключевой документ в истории русско-китайских культурных связей:

- содержит развернутую критику колониальной политики западных держав;
- излагает принципы толстовского учения о непротивлении злу;
- демонстрирует попытку синтеза христианской и конфуцианской этики;
- было переведено на четыре языка (русский, немецкий, французский, китайский);

- оказало значительное влияние на китайскую интеллигенцию начала XX века.

б) Переписка с другими восточными мыслителями:

- обсуждение переводов «Дао дэ цзин» и «Лунь юй»;
- сравнительный анализ буддизма и христианства;
- критика насильственных методов миссионерства.

в) Упоминания о Китае в семейной переписке:

- в письмах к жене (1891 г.) – восхищение китайской мудростью;
- в корреспонденции с Чертковым – планы издания восточных текстов;

- в письмах к друзьям – критика Опиумных войн.

2. Публицистика Толстого и дневниковые записи – еще один важный источник информации о восприятии романистом восточной державы. Для писателя Китай стал символом миролюбия. Толстой посвятил китайской теме несколько значительных публицистических работ:

а) Статья «Не убий!» (1900 г.):

- непосредственный отклик на подавление Боксерского восстания;
- анализ психологии военного насилия;
- параллели между китайской и русской крестьянской культурой;
- сравнение конфуцианской и христианской этики.

б) Философские заметки о восточных учениях:

- комментарии к переводам китайской классики;
- сравнительный анализ даосизма и учения Христа;
- концепция «недеяния» в интерпретации Толстого.

в) Дневниковые записи:

- регулярные упоминания о чтении китайских философов;
- размышления о судьбе китайского народа;
- критика европоцентризма в колониальной политике.

3. Нереализованные восточные проекты – также значимый аспект рецепции. Биография Толстого содержит несколько эпизодов, связанных с попытками установления непосредственного контакта с Китаем:

а) 1855 год – Приамурский проект:

- предложение о работе военным инструктором;
- этические причины отказа;
- влияние этого решения на формирование последующих «пацифистских»

взглядов.

б) 1908 год – Планы дальневосточного путешествия:

- переговоры с японскими и китайскими издателями;
- маршрут предполагаемого путешествия;
- причины, помешавшие осуществлению планов.

в) Издательские проекты:

- Планы выпуска серии восточной литературы;
- Переписка с востоковедами о переводах;
- Концепция «Круга чтения» с включением китайских текстов.

Анализ данных личных документов и публицистических статей Толстого позволяет сделать следующие выводы.

1. Китай занимал исключительное место в системе мировоззрения писателя.

2. Диалог с китайской культурой носил глубоко личный характер.

3. Восточная тема прошла сложную эволюцию – от романтического интереса к философскому осмыслению.

4. Нереализованные проекты свидетельствуют о серьезности намерений Толстого.

Л.Н. Толстой высоко оценивал и философию Мэн-цзы. Он считал, что в сердце каждого человека присутствует Бог, то есть любовь, и как только люди откроют в себе этого Бога, обретут принцип любви, они достигнут состояния совершенства. Прочитав труды Мэн-цзы, Толстой воскликнул: «Как прекрасно Мэн-цзы учит людей “возвращать утерянное сердце”!».

Лао-цзы был одним из самых почитаемых Толстым мыслителей. В сентябре-октябре 1893 года Толстой совместно с Поповым перевел «Дао Дэ Цзин» с немецкого языка. В 1895 году он также отредактировал японский перевод «Дао Дэ Цзин», выполненный Коноэ. Когда Толстой узнал, что этот 33-летний японский богослов работает над переводом «Дао Дэ Цзин» в России, он лично предложил Коноэ встретиться. Коноэ оставил следующие воспоминания: «Когда Лев Николаевич Толстой услышал, что я перевожу знаменитый трактат Лао-цзы с китайского на русский, он в ноябре 1895 года через Н. А. Грота пригласил меня к себе. Он сказал: “Чтобы у России появился наилучший перевод, я готов помочь вам сверять текст”. Я, конечно, с радостью принял предложение Льва Николаевича. В течение четырёх месяцев я приносил ему свой перевод “Дао Дэ Цзин”, а Лев Николаевич сверял его с английскими, немецкими и французскими

переводами, уточняя каждую главу. Так был завершён мой перевод, впервые опубликованный в журнале “Вопросы философии и психологии”» [Конисси, 1913]. В 1910 году Толстой написал статью «О сущности учения Лао-цзы». Он особенно восхищался идеями Лао-цзы о «Дао» и «у-вэй», что, несомненно, повлияло на формирование его концепции непротивления злу насилием.

Толстой также симпатизировал учению Мо-цзы, которое критиковал Мэн-цзы. Принцип «всеобщей любви» Мо-цзы совпадал с толстовской идеей всечеловеческой любви. В 1910 году Толстой отредактировал книгу П.А. Буланже «Китайский философ Мо-цзы: Учение о всеобщей любви», что подчеркивает его глубокий интерес к китайской мысли.

Отдельная страница научной проблемы «Толстой и Китай» – роль писательницы Шань Шили и ранние упоминания романиста о ней. Уже в 1900 году шанхайское издательство «Гуансюэхуэй» в книге «Общедоступное описание российских политических обычаев» (《俄国政俗通考》), переведённой с английского, упомянуло имя Толстого. Однако одним из первых подробных изложений его идей стали записки писательницы Шань Шили (单士厘) «Дневник путешествия года гуймао» (《癸卯旅行记》), завершённые в 1903 году.

То, что первой, кто познакомил Китай с Толстым, оказалась женщина, было явлением исключительным для феодального общества. Шань Шили (1863–1945), урождённая Цянь, родилась в уезде Сяошань. В 1899 году она сопровождала своего мужа Цянь Сюя в Японию, став первой китайской женщиной-путешественницей. Свои зарубежные впечатления она изложила в «Дневнике путешествия года гуймао» – первом в Китае произведении этого жанра. В нём она подробно описала русского писателя Толстого, став первой женщиной, познакомившей китайскую публику с его творчеством. Кроме того, Шань Шили была первой, кто перевёл на китайский европейскую мифологию, а также первой в Китае начала использовать григорианский календарь.

Её муж, Цянь Сюй (1853–1927), старший брат известного лингвиста Цянь Сюаньтуна, в молодости сопровождал дипломата Сюэ Фучэна в Европу и впоследствии занимал должности посла в Нидерландах и Италии. В 1903 году Шань Шили посетила Россию, где вела трёхтомный дневник, изданный как «Дневник путешествия года гуймао».

В этом произведении, описывающем 80-дневное путешествие из Японии через Корею, Маньчжурию и Сибирь в европейскую часть России, Шань Шили посвятила пространный отрывок достижениям и славе Толстого: «Толстой – великий русский писатель, известный по всей Европе и Америке... Его романы мастерски отражают различные социальные реалии, что более всего способствует просвещению народа...» [Shan Shili].

Она отмечала, что во время одной из болезней Толстого ему поступили сотни телеграмм с пожеланиями выздоровления со всего мира. Поскольку его произведения разоблачали деспотизм и пробуждали общественное сознание, российское правительство строго запрещало их, подвергая писателя гонениям. Шань Шили писала: «Русское правительство жестоко преследует его, лишив гражданских прав и отлучив от церкви (что считается величайшим позором, но Толстой остаётся невозмутим). Однако из-за его всемирного признания и того, что он выражает свои идеи лишь пером, а не действием, власти, несмотря на лютую ненависть, не решаются его убить» [Shan Shili].

В дневнике также упоминается, что Шань Шили приобрела в Москве портрет Толстого. Её записи не только восхищённо характеризуют писателя, но и смело критикуют царский режим, отражая демократические взгляды автора.

Китайские классические тексты занимали особое место в круге чтения Толстого. По подсчётам исследователей, он познакомился с 32-мя произведениями китайской мысли, включая труды Лао-цзы, Конфуция и Мо-цзы. Толстой лично перевёл на западные языки «Лунь Юй» и «Чжун Юн», составил антологию «Изречения китайского мудреца Лао-цзы», а также написал эссе «О сущности учения Лао-цзы», «О трудах Конфуция» и «О “Великом учении”». Он

неоднократно выражал восхищение древней китайской культурой, глубоко изучая её философские традиции.

Жизнеутверждающая мудрость китайской традиции, особенно концепции «единства Неба и человека», морального самосовершенствования и гармонии с природой, глубоко привлекали Толстого. В период идейного перелома в зрелые годы он отмечал: «Я почерпнул много прекрасного, полезного и радостного из китайской философии» (письмо В. Г. Черткову 1884 года). В письме к Ку Хунмину (1906) Толстой подчёркивал: «Жизнь китайского народа всегда чрезвычайно интересовала меня. Я старался понять всё доступное мне в китайской мудрости – прежде всего произведения Конфуция, Мэн-цзы, Лао-цзы и комментарии к ним» (Письмо китайцу).

В незавершённом эссе «О трудах Конфуция» Толстой восхвалял традиционный аграрный уклад Китая как основу мирной культуры. Конфуцианская идея самовоспитания резонировала с его концепцией нравственного совершенствования. Он провозглашал: «Любовь – единственная разумная деятельность человека», ценил конфуцианское «жэнь» («гуманность») и моистский принцип «всеобщей любви».

Особое влияние на Толстого оказала даосская философия. Называя Лао-цзы «глубочайшим мыслителем», он переводил «Дао Дэ Цзин» и восхищался идеей «высшего добра, подобного воде». Эти концепции стали важной составляющей его теории ненасилия. В дневнике он отмечал, что срединный путь Конфуция прекрасен, как и учение Лао-цзы – следовать закону природы. Это и есть мудрость, сила и сама жизнь.

В поздний период, перейдя на позиции патриархального крестьянства, Толстой видел в китайской аграрной цивилизации альтернативу европейскому пути, утверждая, что Россия и Китай связаны духовным родством. Он искренне мечтал посетить Китай, признаваясь секретарю: «Если бы я был молод, я непременно отправился бы в Китай».

Литература «для жизни»: влияние Толстого на китайскую интеллигенцию можно охарактеризовать следующим образом.

Как вершина русского реализма, толстовские романы («Анна Каренина», «Война и мир», «Воскресение») стали образцом «гениального искусства». Его гуманизм, внимание к угнетённым и идея искусства, служащего жизни, повлияли на движение «4 мая» (五四運動).

С 1900 года идеи Толстого активно проникают в Китай:

- Чэнь Дусю называл его (наряду с Золя и Ибсенем) «величайшим писателем мира», отстаивавшими народную литературу;

- Ли Дачжао превозносил толстовское учение о труде и пацифизме как «светоч для человечества»;

- Цюй Цюбо, переводивший работы В. И. Ленина о Толстом, видел в нём «бриллиант мировой литературы»;

- Лу Синь, хранивший десятки книг Толстого, отмечал: «Читая его, я чувствую, как человечество окружает меня надеждой»;

- Мао Дуньши и Ба Цзинь признавали влияние «Воскресения» на свои романы.

Хотя Лу Синь критиковал толстовское «непротивление», он называл писателя «титаном XIX века».

В числе древнекитайских мыслителей Толстой первым познакомился и занялся изучением Лао-цзы. Не владея китайским языком, он исследовал и переводил Лао-цзы преимущественно по французскому переводу «Дао Дэ Цзин» (Париж, 1841) китаеведа С. Жюльена, немецкому переводу востоковеда Виктора фон Штрауса (Лейпциг, 1870) и американскому переводу синоведа Пола Каруса (Чикаго, 1898).

Впервые Толстой соприкоснулся с «Дао Дэ Цзин» в 1877 году, но углублённо занялся изучением Лао-цзы и других древнекитайских мыслителей лишь в начале 1884 года. 11 марта 1884 года он писал своему другу и издателю Черткову: «Я углубился в изучение китайских мудрецов и очень хочу рассказать вам и всем о той духовной пользе, которую принесли мне эти книги» [Толстой, т. 83: 356].

В середине 1880-х годов Толстой посвятил много времени исследованию трудов этих древнекитайских мыслителей, делая обширные выписки, а также написал три статьи (наброски или незавершённые работы) о древнекитайской философии: «Дао Дэ Цзин» мудреца Лао-цзы», «Труды Конфуция» и «Великое учение».

Осенью 1893 года Толстой вновь обратился к изучению Лао-цзы и совместно с Е. Поповым приступил к переводу «Дао Дэ Цзин» на русский язык с немецкого издания. Он подходил к этой работе с величайшей тщательностью: сверяя французские и немецкие версии, многократно уточнял формулировки и комментарии, добиваясь точности и доступности текста. Неоднократно обращался за консультациями к художественному критику Стасову, работавшему в Императорской публичной библиотеке, с просьбами подобрать специализированную литературу.

Эта деятельность доставляла ему глубокое удовлетворение. В письме к супруге от 2 сентября 1893 года он признавался: «Мы с Поповым вновь и вновь перечитываем и сверяем переводы глубочайшего мыслителя Лао-цзы. Каждый раз я погружаюсь в эту работу с радостным волнением, напрягая все силы ума для постижения и переложения» [Толстой, т. 83: 196–197].

В том же году Толстой предпринял попытку издания русского перевода «Дао Дэ Цзин», однако его издатель Чертков отклонил предложение, а Попов оставил работу незавершённой. Тем не менее, писатель не оставил замысла познакомить Россию с мудростью Лао-цзы. В 1903–1910 гг. он включил собственные переводы изречений китайского мудреца в составленные им сборники «Круг чтения», «Путь жизни» и другие.

В ноябре 1895 года, узнав, что профессор Киотского университета господин Кониси, находившийся в России, подготовил перевод «Дао Дэ Цзин» непосредственно с китайского, Толстой немедленно пригласил его для сотрудничества. Предложив сверку перевода по английским, французским и немецким версиям, он посвятил четыре месяца тщательной редакции текста.

Результатом стала публикация полного русского перевода в журнале «Вопросы философии и психологии» (1909, том 23).

До последних дней Толстой вынашивал идею создания популярного издания Лао-цзы для русского читателя. За несколько месяцев до кончины, в 1910 году, его усилия увенчались выходом в издательстве «Посредник» книги «Изречения китайского мудреца Лао-цзы», содержащей 64 афоризма с предисловием «О сущности учения Лао-цзы» и изображением мудреца на буйволе на обложке.

Философия «Дао Дэ Цзин» чрезвычайно многогранна. Особый интерес Толстого вызывали концепции «Дао» и «у-вэй» (недеяния), а также элементы примитивной диалектики, описывающей взаимозависимость и превращение вещей. В трактате писателя «Дао» приобрело характер нравственно-религиозного принципа. В статье «О сущности учения Лао-цзы» он писал: «Основа учения Лао-цзы та же, что и всех истинно великих религиозных учений. Оно утверждает... что жизнь для тела есть несчастье, ибо тело страдает, болеет и умирает; жизнь для души есть благо, ибо душа ни страдать, ни болеть, ни умирать не может. Поэтому, чтобы избавиться от несчастий и достигнуть блага, человек должен научиться жить не для тела, а для души... По Лао-цзы, для этого существует лишь один путь, называемый им “Дао”, включающий познание высшего блага. В этом – вся суть его учения, совпадающая с сутью христианства» [Толстой, т. 40: 350–351]/

Очевидно, что Толстой интерпретировал «Дао» через призму собственной концепции «нравственного самосовершенствования», трансформируя метафизическую категорию в практическое этическое учение. Именно такое понимание определило его подход к переводу: ещё в 1884 году, впервые работая с текстом, он особо выделял те фрагменты, где описываются принципы поведения мудреца, рассматривая их как конкретное воплощение «Дао».

Концепция «у-вэй» (недеяния) в учении Лао-цзы имеет два аспекта. Первый относится к естественному и спонтанному действию «Дао», которое, тем не менее, обладает силой порождать и возвращать все сущее. Второй же

предполагает, что человек бессилён перед лицом изменений в природе и обществе, и потому должен отказаться от активных действий, покорно подчиняясь воле небес. Именно этот второй аспект «недеяния» вызвал особое восхищение и одобрение Толстого.

В письме к Д. А. Хилкову в 1893 году он писал: «Внешняя суетливая деятельность не только не нужна для истинного движения жизни, но и вредна... Читали ли вы Лао-цзы? У него есть поразительные места о высшей добродетели, которую он называет “недеянием”... Лао-цзы прямо указывает, что всё зло в мире происходит от “деяния”, от ложной заботы людей о мнимом благе для себя и других» [Толстой, т. 66: 326].

В 1903 году Толстой развил эти идеи в обширной статье «О недеянии» (около 20 тыс. слов). Поводом к её написанию послужила полемика между Золя и Дюма-сыном в 1893 году. Золя на собрании парижских студентов утверждал, что наука и труд приведут человечество к гармоничному обществу, тогда как Дюма-сын считал, что главное – это устремление душ к добру и взаимной любви. Толстой, разумеется, поддержал последнего [Толстой, т. 66: 325–326].

В статье он доказывал, что в условиях частной собственности наука может стать орудием угнетения, а труд – не всегда благом: «труд» фабриканта высасывает соки из рабочих, как и «труд» спекулянта. Поэтому в капиталистическом обществе, утверждал он, следует практиковать «недеяние», избегая ложной активности: «Согласно учению Лао-цзы, все бедствия людей происходят не оттого, что они не делают того, что нужно, а оттого, что делают то, что не нужно. Если бы люди могли соблюдать недеяние, они избежали бы всех бедствий – особенно общественных (главным образом на них и указывает Лао-цзы)... Я считаю, Лао-цзы совершенно прав» [Толстой, т. 29: 185].

Социальный идеал Толстого – патриархальный утопический социализм. Не владея историко-материалистическим подходом, он не мог увидеть прогрессивной роли капиталистических отношений и цивилизации, не понимал, что «именно дурные страсти человека – жадность и властолюбие – с момента возникновения классовых противоречий стали рычагом исторического развития».

Оценивая историю через призму морали, он естественно принял идею «недеяния», отвергая буржуазную активность.

Толстой трактовал «недеяние» как форму протеста против капиталистического зла, сближая его с собственной концепцией «непротивления злу насилием». Однако, как отмечал В. И. Ленин, такой протест был пассивным и отражал слабость крестьянского движения в период революции 1905 года. В эпоху растущего рабочего движения проповедь этой теории могла лишь разоружить народ.

Парадоксально, но сам Толстой, теоретически проповедуя «недеяние», на практике действовал активно: писал статьи против царского произвола, вступался за бедствующих крестьян, хлопотал за арестованных революционеров...

Особый интерес писателя вызвала диалектика Лао-цзы о победе мягкого над твёрдым, слабого над сильным. Эта мысль была близка Толстому ещё во время работы над «Войной и миром», где он показал, как слабая русская армия в итоге одолела могучего французского завоевателя.

Читая в «Дао Дэ Цзин» места вроде: «Нет в мире ничего мягче и слабее воды, но она преодолевает самое твёрдое», Толстой испытывал живейший отклик. В дневнике за февраль 1884 года он записал: «Из Лао-цзы: человек при рождении нежен и слаб, а при смерти твёрд и крепок. Все существа и растения при рождении нежны и хрупки, а при смерти сухи и ломки. Поэтому твёрдое и крепкое – это то, что умирает, а нежное и слабое – то, что живёт» [Толстой, т. 49: 62].

Развивая эту мысль, он пришёл к идее непротивления. 10 марта 1884 года записал: «Всё должно быть так, как говорит Лао-цзы: вода – нет преграды, течёт; встретит плотину – остановится; прорвётся плотина – опять течёт. В четырёхугольном сосуде она четырёхугольная, в круглом – круглая. Потому она сильнее всего» [Толстой, т. 49: 65].

Здесь Толстой подчёркивает, что мягкая вода, покоряясь и не сопротивляясь, в конечном счёте побеждает силу – что и составляет суть его учения о непротивлении злу насилием.

Обобщая вышесказанное о толстовском понимании «Дао» и «у-вэй», становится очевидным: изучая и пропагандируя учение Лао-цзы, Толстой неизменно стремился отыскать в нём аспекты, созвучные собственным воззрениям, подчас интерпретируя китайскую мудрость через призму толстовства – что, конечно, не всегда соответствовало изначальному смыслу даосизма. Подобный же подход он применял и к конфуцианству.

Почти одновременно с Лао-цзы Толстой обратился к изучению Конфуция. Основными источниками для него служили:

- трёхтомник «Китайские классики» (Лондон, 1875) оксфордского сиолога Джеймса Легга (1-й том содержал жизнеописание и учение Конфуция);

- труды французского китаевода Г. Позье: «Китай, или Описание истории, географии и литературы Китайской империи» (Париж, 1837) и «Священные книги Востока» (Париж, 1840);

- русский перевод «Чжун юн» («Учение о середине»), выполненный профессором Д. Кониси;

- работы российских востоковедов о жизни и учении Конфуция.

Ядро политической философии Конфуция составляли понятия «ли» (ритуал) и «жэнь» (гуманность). Выдвигая принцип «жэнь» в эпоху Чуньцю, когда противоречия между институтами династии Чжоу и новой феодальной системой обострились, Конфуций стремился призвать аристократию к соблюдению норм чжоуского ритуала. Однако Толстой, игнорируя исторический контекст, сосредоточился исключительно на этических аспектах учения – самосовершенствовании, добродетели, всепрощении – трактуя их как вневременные нравственные принципы.

В дневниковой записи от 12 ноября 1900 года он излагает суть учения китайского мудреца (Конфуция) следующим образом: «Мудрец учит людей высшему добру – возвращению к простоте и сохранению её. Для достижения величайшего блаженства необходимо всеобщее благоденствие; для всеобщего – семейное; для семейного – личное; для личного – исправление сердца; для

исправления сердца – просветление; для просветления – истинное познание; для познания же – изучение себя» [Толстой, т. 54: 55–56].

Ещё определённое эта мысль выражена в незавершённой статье «Великое учение» (1884): «От императора до последнего земледельца – у всех одна обязанность: совершенствовать себя, исправлять себя, иными словами – заниматься самоусовершенствованием» [Толстой, т. 25: 534].

Толстой был убеждён, что сформулированная Конфуцием двадцать пять веков назад концепция «жэнь» полностью совпадает с его собственной идеей нравственного самосовершенствования. Только следуя этим путём, полагал он, человек может стать добродетельным, социальные противоречия – разрешиться, а мир – преобразиться к лучшему [南京大学学报•哲学•人文科学•社会科学].

2.2. Образ китайской императрицы Си Линши (Лэй Цзу) в прозе

Л. Н. Толстого

Обращение Л. Н. Толстого к китайскому фольклорному сюжету об императрице Си Линши (Лэй Цзу) представляет значительный интерес для исследования межкультурных связей в творчестве писателя. Анализ рассказов «Китайская царица Си Линчи» и «Как научились бухарцы разводить шелковичных червей» позволяет выявить особенности художественной трансформации восточного материала в педагогических целях.

Попытаемся определить историко-культурные истоки образа легендарной китайской царицы. В китайской традиции императрица Лэй Цзу занимает особое место как:

- мифологизированный исторический персонаж эпохи Хуан-ди (ок. XXVII в. до н.э.);
- культурная героиня, изобретательница шелководства;
- символ женской мудрости и государственной мудрости.

Сравнительный анализ китайских источников показывает, что в оригинальной традиции акцент делается на:

- 1) государственных реформах;
- 2) создании социальных институтов;
- 3) технологических инновациях;
- 4) объединительной политике.

У Толстого в его рассказах «Китайская царица Силинчи» и «Как научились бухарцы разводить шелковичных червей» можно наблюдать художественную трансформацию этого образа. В переработанном им варианте происходит существенная переакцентуация:

- устранение политического контекста;
- упрощение исторического фона;
- усиление дидактического компонента;
- акцент на трудовой этике.

Можно выделить следующие особенности толстовской версии этой китайской легенды:

- 1) сведение многопланового образа к одной функции – изобретательницы шелка;
- 2) замена государственного масштаба деяний на индивидуальное творчество;
- 3) превращение исторического повествования в нравоучительную притчу;
- 4) использование подзаголовка «быль» для усиления достоверности.

Постараемся установить причины обращения Толстого к данному сюжету. Можно выделить несколько факторов, обусловивших интерес Толстого.

1. Педагогические:

- наглядность примера;
- познавательная ценность;
- моральный потенциал легенды.

2. Философские:

- концепция труда как основы нравственности;

- идея передачи знаний;
- культ практической мудрости.

3. Культурологические:

- интерес к восточной традиции;
- поиск универсальных ценностей;
- диалог культур.

Если говорить о композиционном разделении материала, то можно прийти к следующим выводам. Разделение единого сюжета на два самостоятельных рассказа обусловлено такими факторами.

1. Дидактические задачи:

- первое произведение – о происхождении шелка;
- второе – о распространении технологии.

2. Методические соображения:

- постепенность подачи информации;
- вариативность подходов;
- углубление темы.

3. Художественные цели:

- показ разных аспектов традиции;
- создание системы образов;
- многоуровневое восприятие.

Остановимся на отражении китайской темы в художественной системе Толстого. В данных произведениях проявляются характерные черты толстовского восприятия Китая.

1. Уважение к древней культуре.

2. Интерес к практической философии.

3. Внимание к:

- технологическим достижениям,
- народной мудрости,
- этическим принципам.

4. Стремление:

- к культурному диалогу,
- поиску общечеловеческих ценностей,
- преодолению европоцентризма.

Анализ восприятия китайской легенды показывает, что обращение Толстого к китайскому фольклору:

- носило сознательный и целенаправленный характер;
- соответствовало его педагогическим взглядам;
- отражало философские искания;
- способствовало межкультурному диалогу.

Эти произведения стали важным звеном в освоении русской литературой восточных традиций, демонстрируя универсальность толстовского гуманизма и глубину его понимания китайской культуры.

На долгом и трудном пути духовных исканий Толстой одно время боготворил западных философов вроде Шопенгауэра и Руссо. Однако после 1850-х годов его взгляд постепенно обратился к древнему Востоку, пока окончательно не остановился на классической китайской мысли. Под влиянием конфуцианства и даосизма он сформировал новое понимание жизни, христианизировав и адаптировав под своё учение понятия Лао-цзы о «Дао» и «у-вэй». Так он стал не только исследователем даосизма, но и первым в России его последователем.

Весь свой жизненный путь Толстой посвятил поискам смысла жизни, что отразилось в созданных им литературных образах. Некоторые из них – как, например, «неевропейский герой» Кутузов в «Войне и мире» (1860-е гг.) – не находили понимания у современников именно из-за привнесённых Толстым инокультурных элементов. Хотя в этот период писатель ещё не был знаком с даосизмом, образ Кутузова удивительным образом перекликается с даосским идеалом мудреца: «Он понимает, что есть что-то сильнее и значительнее его воли, – это неизбежный ход событий», «Всё дело заключалось для него только в том, чтобы... не препятствовать тому, что должно было совершиться» [Толстой, т. 11: 174, 6].

Этот портрет созвучен 49-й главе «Дао Дэ Цзин»: «У мудреца нет постоянного сердца – его сердце есть сердце народа». Кажущаяся пассивность Кутузова – старый одноглазый генерал, дремлющий в кресле перед сражением, его слова: «Господа... перед битвой важнее всего... выспаться», «Не стремительность и натиск, а терпение и время... Нет ничего сильнее этих двух воинов – они всё совершат» – удивительно напоминают даосские максимы: «Достигни предельной пустоты, сохраняй покой – и тогда всё сущее будет развиваться само собой» (гл. 16), «Мудрый не действует – и поэтому нет ничего, что бы он не совершил» (гл. 37).

Эти параллели стали интеллектуальной основой для восприятия Толстым даосизма – восприятия избирательного, творческого, преломлённого через его собственное мировоззрение. Ориентация его исканий на Восток была закономерна: она коренилась в самой русской культурной традиции, где всегда присутствовали «восточные» элементы.

В 1877 году Толстой просит Страхова собрать для него все доступные переводы китайских мыслителей. В ответном письме упоминается французский перевод «Дао Дэ Цзин» Станисласа Жюльена – первое документальное свидетельство интереса писателя к китайской философии. Уже в начале 1884 года он начинает систематическое изучение Лао-цзы, Конфуция и Мэн-цзы, выписывая их изречения в дневник. 15 марта он записывает: «Лао-цзы – это философия юродивых», сравнивая даосизм с христианским учением (эти параллели позже войдут в его «Евангелие»).

Первоначально Толстой переводит «Дао» как «Бог» (хотя Жюльен использовал «Путь»), интерпретируя знаменитое «Дао, которое может быть выражено словами, не есть вечное Дао» как «Бог, которого можно назвать, не есть вечный Бог». Однако его понимание «Бога» радикально отличалось от церковного – для Толстого это была «первооснова души, субъективная любовь и объективное блаженство».

В 1893 году совместно с Е. Поповым он завершает первый русский перевод «Лао-цзы» (по французскому и немецкому вариантам). В дневниках 1894 года

видны глубинные размышления над текстом. Особое внимание он уделяет стихотворным афоризмам Штрауса, тщательно сверяя их с другими переводами в переписке со Стасовым.

В статье «О недеянии» (1893) Толстой даёт уже более точное толкование: «Дао – это Путь, Добродетель, Истина». Позже в «Царстве Божиим внутри вас» и других трактатах он развивает эту мысль:

«Суть учения Лао-цзы – высшее благо отдельного человека. Оно достигается через познание Дао – Пути, Добродетели, Истины – что возможно лишь через «не-делание». Все несчастья происходят не от бездействия, а от ложной активности: гнева, осуждения, сопротивления злу насилием».

В письме к Черткову он творчески переосмысляет 63-ю главу: «Чтобы совершить великое, нужно делать малое – верить, что это малое спасёт не только тебя, но и весь мир. Пусть человек стремится к совершенству перед Богом – в этом он совершает величайшее дело: спасает мир». Здесь видна ключевая трансформация: толстовское «не-делание» – это не пассивность, а внутренняя работа, самосовершенствование как форма социального действия.

Работая над редактурой перевода профессора Д. Кониси (1909), Толстой вводит новое понятие – «Разум» (для «Дао»), а «у-вэй» передаёт как «смирение». Теперь знаменитый афоризм звучит: «Разум, который можно постичь, не есть абсолютный Разум». Для него «Разум» – это «жизненный закон, требующий отказа от эгоистических устремлений, чтобы обрести радость любви». Эволюция терминологии отражает углубление понимания.

Даже в последние годы жизни (дневник от 20 марта 1909 г.) Толстой строит грандиозные планы: «...5. Очерк Китая и трёх учений; 6. Буддизм; 7. Конфуцианство; 8. Даосизм... 5 мая — подготовить материалы о Конфуции и Лао-цзы для Ивана Ивановича».

«Чтение Лао-цзы имеет для меня огромное значение. Даже противоположное ему чувство – гордыня, желание стать Лао-цзы...» – признаётся он. И добавляет: «Высшее духовное состояние всегда связано с полнейшим

смирением». Этот интроспективный, почти медитативный подход к китайской мысли стал для Толстого ключом к её постижению.

До последних дней он продолжал править свой перевод «Дао Дэ Цзин» (отличный от версии Кониси). Эти испещрённые пометками тетради, хранящиеся сейчас в Ясной Поляне, – лучший памятник диалогу русского гения с древнекитайской мудростью.

Выводы по главе II

1. Диалог с китайской культурой в личных документах Толстого прослеживается в следующих источниках и материалах.

- Эпистолярное наследие. Особенно значимо для рассматриваемой научной проблемы «Письмо китайцу» (1906), которое демонстрирует глубокий интерес к конфуцианской и даосской философии, попытку синтеза христианской и восточной этики, критику колониальной политики Запада.

- Публицистика («Не убий!», 1900) отражает солидарность с китайским народом, сравнительный анализ культурных традиций и развитие идей ненасилия, нереализованные проекты свидетельствуют о серьезности интереса к Китаю, противоречии между желанием поездки и этическими принципами.

2. Художественное осмысление китайского фольклора в прозе Толстого можно описать следующим образом.

- Переработка легенды о Лэй Цзу характеризуется сознательным упрощением исторического контекста, акцентом на дидактической составляющей, трансформацией государственного деятеля в народную умелицу.

- Разделение сюжета на два рассказа обусловлено педагогическими задачами «Азбуки», стремлением к многоаспектному освещению темы, принципом постепенности обучения.

- В произведениях Л. Н. Толстого проявились уважение к китайской традиции, поиск общечеловеческих ценностей, интерес к практической мудрости Востока.

3. Китайская тема в творчестве Толстого реализуется в следующих направлениях:

- Эволюция от романтического интереса к философскому осмыслению;
- Синтез культурологических и педагогических задач;
- Создание моста между русской и китайской культурными традициями;
- Демонстрация универсальности толстовского гуманизма.

Влияние Л.Н. Толстого на китайскую литературу очень велико. Отношения Лу Синя с литературным наследием Толстого сложились еще до движения «4 мая». В раннем эссе «О разоблачении злых голосов», написанном во время учебы в Японии, Лу Синь уже упоминал Толстого. Его «Дневник сумасшедшего» также отражает творческую связь с толстовской традицией. В 1930-е годы, когда развернулась дискуссия о литературном наследии Толстого, Лу Синь в работе «Об интеллигенции» дал диалектический анализ толстовства, объективно оценив как его критическую роль в борьбе с царским самодержавием, так и его ограниченность.

В конце 1919 года Го Можо написал «Гимн бунтарям», где с восхищением упомянул Толстого среди «истинных бунтарей всех времен и народов», используя его образ как идейное оружие для защиты духа «4 мая». Позже, по совету Цюй Цюбо, Го Можо начал перевод «Войны и мира», завершив три тома за три года. Во время войны Сопrotивления молодой переводчик Гао Ди предложил закончить перевод и издать его под их совместным именем, что стало прекрасной страницей в истории китайского перевода.

Цюй Цюбо в сотрудничестве с Гэн Цзичжи перевел «Сборник рассказов Толстого» и работы В. И. Ленина о писателе. Посетив Ясную Поляну во время пребывания в России, он стал первым китайским гостем в имении Толстого и описал свои впечатления в очерке «Путешествие в деревню Чистополье» из книги «История сердца в красной столице». Его произведения «Путь в страну голода» и «История сердца в красной столице» обнаруживают тонкую связь с творчеством Толстого, особенно в исповедальной манере, близкой к «Исповеди» русского классика.

Мао Дунь еще в апреле 1919 года опубликовал статью «Толстой и современная Россия», всесторонне представив жизнь, идеи и творчество писателя. В 1920 году в «Заметках о русской литературе» он отметил, что Тургенев и Толстой изображали жизнь низших классов с большей искренностью, чем Диккенс. Влияние Толстого на творчество Мао Дуня очевидно: как он признавался в эссе «Из Гулина в Токио», «Я люблю Золя, но в своих романах я

ближе к Толстому». Роман «Полночь», с его масштабной структурой и тонким психологизмом, явно перекликается с «Войной и миром», особенно в сценах похорон У Лаотая, напоминающих салон Анны Павловны Шерер.

Ба Цзинь называл Толстого своим «русским учителем». В интервью французскому журналисту он сказал: «Мой роман «Семья» глубоко обязан «Воскресению». Герой Жоу Ши «В феврале» Сяо Жунью, жертвующий любовью ради помощи вдове Вэнь, вызывает прямые ассоциации с Нехлюдовым.

В годы войны Соппротивления пьесы по мотивам «Воскресения» в адаптации Тянь Ханя и Ся Яня с успехом шли на сцене. В 1936 году постановка Тянь Ханя в Нанкине имела огромный успех, а Ся Янь за месяц создал свою версию, где главную роль исполнила Бай Ян.

С 18 по 20 ноября 2024 года в Академии Юэлу Хунаньского университета состоялся международный научный симпозиум «Концепция прав человека в китайских классических текстах». Среди приглашенных участников — старший преподаватель Северо-Восточного федерального университета (Якутск) Туяра Ордахова, чьи исследования сосредоточены на межкультурном диалоге России и Китая. В эксклюзивном интервью агентству «Чжунго синьвэнь» в рамках проекта «Диалог Восток-Запад» эксперт ответила на ключевые вопросы:

- Как соотносятся китайская концепция прав человека с конфуцианской традицией?

- Каким образом идеи Конфуция повлияли на формирование «концепции прав человека» Льва Толстого?

Т. Ордахова представила авторскую интерпретацию этих вопросов, основанную на многолетних исследованиях. Особое внимание она уделила следующим аспектам:

- ненасилие;
- моральное самосовершенствование;
- социальная справедливость.

Чтобы понять истоки китайской концепции прав человека, необходимо обратиться к конфуцианству. В его центре находится концепция «жэнь» (гуманности):

- С одной стороны, её можно определить как «любовь к людям», помогающую сохранять правильный баланс между «любовью» и «ненавистью».

- С другой стороны, «жэнь» требует «обуздания себя и возвращения к ритуалу», обучая людей следовать «золотому правилу» морали, включая принципы: «Чего не желаешь себе, того не делай другим», Желая добиться успеха, помогай добиться успеха другим.

В контексте культурного обмена между Китаем и Россией Толстой является одной из самых значимых фигур. Как творчество этого всемирно известного русского писателя испытало влияние традиционной китайской философии? Хотя Толстой не знал китайского языка, его связь с китайской философской традицией глубока и многогранна. В 1884 году в письме к знакомым он упоминал о своём увлечении изучением «китайской мудрости» (Chinese wisdom), отмечая, что древние китайские тексты чрезвычайно полезны для его этических изысканий. В 1891 году, отвечая на вопрос о мыслителях, наиболее повлиявших на его зрелое мировоззрение, Толстой назвал Конфуция, Лао-цзы и Мэн-цзы. Однако его интерпретация китайской философии всегда носила глубоко личный характер.

Особенно показательным его прочтением Лао-цзы: Толстой понимал центральную идею «Дао Дэ Цзин» как призыв «жить не для тела, а для духа», рассматривая это как нравственный императив, формирующий мировоззрение человека. Он писал: «Суть учения Лао-цзы совпадает с сутью православного вероучения. И та, и другая состоит в том, чтобы через воздержание от всего телесного проявлять духовное начало, составляющее основу человеческой жизни».

Подобно своему прочтению Лао-цзы, Толстой интерпретировал конфуцианство через призму собственных религиозно-нравственных взглядов. Он особенно акцентировал концепцию «чжун юн» («серединного пути»), видя в ней: внутреннее равновесие как источник всех добродетелей и гармоничное согласие

как универсальный закон человеческих отношений. По его убеждению, соблюдение этих принципов создаст миропорядок всеобщего благоденствия. В конфуцианстве «серединный путь» олицетворяет высшую мудрость – закон адаптации к меняющимся условиям. Любая крайность вредна, тогда как следование «золотой середине» обеспечивает стабильность без катаклизмов. Это мудрость «постоянства».

Толстой высоко ценил конфуцианское «жэнь» («гуманность»), трактуя его как основу отношений в семье и обществе:

- Взаимное доверие;
- Взаимопомощь;
- Доброжелательность;
- Отсутствие презрения между социальными слоями.

Обращение Л. Н. Толстого к китайскому фольклорному сюжету об императрице Си Линши (Лэй Цзу) представляет значительный интерес для исследования межкультурных связей в творчестве писателя. Анализ рассказов «Китайская царица Си Линчи» и «Как научились бухарцы разводить шелковичных червей» позволяет выявить особенности художественной трансформации восточного материала в педагогических целях.

Можно выделить следующие особенности толстовской версии легенды о китайской императрице Си Линши (Лэй Цзу) в рассказах «Китайская царица Си Линчи» и «Как научились бухарцы разводить шелковичных червей»:

- 1) сведение многопланового образа к одной функции – изобретательницы шелка;
- 2) замена государственного масштаба деяний на индивидуальное творчество;
- 3) превращение исторического повествования в нравоучительную притчу;
- 4) использование подзаголовка «быль» для усиления достоверности.

Характерные черты толстовского восприятия Китая в целом:

- уважение к древней культуре;
- интерес к практической философии;

- внимание к технологическим достижениям, народной мудрости и этическим принципам;
- стремление к культурному диалогу, поиску общечеловеческих ценностей и преодолению европоцентризма.

Заключение

Настоящее исследование посвящено комплексному изучению восприятия Китая и его культурно-философского наследия в творческом сознании Л. Н. Толстого. Проведенный анализ позволил выявить многогранность взаимодействия великого русского писателя с китайской традицией, раскрыть глубину его философских исканий и художественных открытий, а также определить значение этого диалога для русско-китайского культурного диалога.

Основные результаты исследования могут быть суммированы следующим образом.

Во-первых, в работе систематизирован и обобщен материал, касающийся этапов формирования интереса Толстого к Китаю. Как показано в первой главе, этот интерес носил не поверхностный, а глубоко осознанный характер. Начиная с 1870-х годов, Толстой активно изучал конфуцианские, даосские и моистские тексты, что нашло отражение в его философских трактатах, письмах и публицистике. Особое значение имела работа над переводами «Дао дэ цзин» и «Лунь юй», в ходе которой писатель стремился адаптировать восточные идеи к собственным этическим принципам. Как отмечает Ван Ланьцзюй, синтез христианского учения о любви и конфуцианской концепции «жэнь» стал основой толстовской философии ненасилия [Ван Ланьцзюй 2018: 89].

Во-вторых, исследование подтвердило, что китайская философия оказала существенное влияние на формирование мировоззрения Толстого. В частности, идеи Лао-цзы о «недеянии» (у-вэй) и конфуцианский культ нравственного самосовершенствования были творчески переосмыслены писателем. В публицистических работах, таких как «Не убий!» (1900), Толстой проводил параллели между пацифизмом христианства и даосским неприятием насилия, что подчеркивает универсальность его гуманистических взглядов.

В-третьих, анализ личных документов (гл. II, § 2.1.) выявил, что диалог с Китаем для Толстого был не только интеллектуальным, но и экзистенциальным. Переписка с китайскими мыслителями, такими как Гу Хунмин, демонстрирует его стремление к межкультурному взаимопониманию. В письме 1906 года писатель критиковал колониальную политику Запада, называя китайский народ «самым мирным на свете» [Толстой 1937: 532], что отражало его убежденность в ценности традиционных аграрных обществ.

Художественное осмысление китайской темы, рассмотренное во второй главе, также стало важным аспектом исследования. Обработка легенды об императрице Си Линши в рассказах «Китайская царица Си Линчи» и «Как научились бухарцы разводить шелковичных червей» показала, как Толстой трансформировал фольклорный материал в дидактические притчи. Упрощая исторический контекст, он акцентировал трудовую этику и практическую мудрость, что соответствовало задачам его «Азбуки». Этот подход, как отмечается в работе, не только знакомил русских читателей с восточной культурой, но и подчеркивал общечеловеческую значимость китайских традиций.

Теоретическая значимость исследования заключается в системном подходе к изучению рецепции китайской культуры в творчестве Толстого. Работа вносит вклад в развитие сравнительных исследований русской и китайской литератур, расширяя понимание механизмов межкультурного диалога. Установление связи между философскими концепциями Толстого и китайскими первоисточниками (например, интерпретация «Дао» как божественного порядка) открывает новые перспективы для анализа его религиозно-этических взглядов.

Практическая ценность работы связана с возможностью использования ее материалов в учебных курсах по истории русской литературы, межкультурной коммуникации и философии. Методическая разработка урока, представленная в приложении, демонстрирует, как идеи Толстого о Китае могут быть интегрированы в современный образовательный процесс, способствуя формированию толерантности и культурной грамотности учащихся.

Перспективы дальнейших исследований видятся в следующих направлениях.

1. Сравнительный анализ рецепции китайской философии у Толстого и других русских писателей (например, И. А. Бунина или А. П. Чехова).

2. Изучение влияния толстовских идей на китайскую литературу XX–XXI веков, включая творчество Лу Синя и Мо Яня.

3. Углубленный анализ неопубликованных материалов из архивов, связанных с перепиской Толстого с восточными мыслителями.

В заключение следует подчеркнуть, что обращение Толстого к китайской культуре не было случайным эпизодом, а стало органичной частью его творческой эволюции. От раннего романтического интереса к философскому синтезу и педагогическим экспериментам – этот путь отражает универсальность гуманизма писателя, его стремление преодолеть границы между Востоком и Западом. Как отмечал сам Толстой, «если б я был молод, то поехал бы в Китай» [Булгаков 1989: 157]. Эта нереализованная мечта символизирует незавершенность диалога, который продолжается в его текстах, остающихся мостом между культурами.

Таким образом, проведенное исследование подтверждает, что Китай занимал уникальное место в творческом сознании Толстого, став не только источником философского вдохновения, но и важным элементом его художественной вселенной. Этот диалог культур, начатый более века назад, сохраняет свою актуальность, напоминая о необходимости взаимопонимания в эпоху современных исторических вызовов.

Список использованных источников

1. Абраменко В. П., Лукьянов А. Е., Майоров В. М. Конфуцианство и даосизм в мировоззрении Л. Н. Толстого / Вступ. слово акад. Тэн Вэньшэна. М.: ИДВ РАН 2018. – 748 с.
2. Авченко В. Как Лев Толстой увлекался восточной философией и хотел написать книгу об освоении Сибири [Электронный ресурс] // Российская газета. 09.09.2023. URL: <https://rg.ru/2023/09/09/roman-s-kitaem.html> (дата обращения: 14.10.2024).
3. Бабаев Э. Большая азбука, или Ощущение счастья // Книжные сокровища мира. М., 1989. С. 95–106.
4. Блум Г. Западный канон. Книги и школа всех времен / Гарольд Блум; пер. с англ. Д. Харитоновой. М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 672 с.
5. Бочаров С. Г. Роман Л. Толстого «Война и мир». Изд. 3-е. М.: Худ. лит., 1978. – 103 с.
6. Булгаков В. Ф. Л. Н. Толстой в последний год его жизни / вступ. ст. и прим. С. А. Розановой. М.: Правда, 1989. – 448 с.
7. Ван Ланьцзюй. Транскультурные философские параллели: система образов романа Л. Н. Толстого «Война и мир» в свете идей Конфуция и Лао-цзы: монография / Ван Ланьцзюй; [под науч. ред. О. Ю. Юрьевой]. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2018. – 211 с.
8. Ван Чэн. Философия Л. Н. Толстого в сравнении с китайскими мудрецами: магистерская диссертация. Екатеринбург, 2020. – 80 с.
9. Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1828 по 1855 год. М.: АН СССР, 1954. – 720 с.
10. Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1870 по 1881 год. М.: АН СССР, 1963. – 694 с.
11. Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1828 по 1855 год. М.: АН СССР, 1954. – 720 с.

12. Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М.: АН СССР, 1957. – 915 с.
13. Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1881 по 1885 год. М.: АН СССР, 1970. – 558 с.
14. Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. *Ex ungue leonem*. Детские рассказы Л. Толстого и поэтика выразительности. М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 280 с.
15. Зверев А.М., Туниманов В.А. Лев Толстой. М.: Молодая гвардия, 2006. – 781 с.
16. Зорин А.Л. Жизнь Льва Толстого. Опыт прочтения. М.: Новое литературное обозрение, 2020. – 244 с.
17. Конисси Д. Предисловие переводчика // Лао Си. Тао-Те-Кинг / пер. Д. Конисси. М., 1913 [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Страница:Тао-Те-Кинг_\(Лао_Си,_пер._Конисси,_1913\).djvu/3](https://ru.wikisource.org/wiki/Страница:Тао-Те-Кинг_(Лао_Си,_пер._Конисси,_1913).djvu/3) (дата обращения: 20.15.2025).
18. Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Худ. лит., 1978.
19. Лебедев Ю. В. В средние века: Историко-литературные очерки. М.: Современник, 1988. – 384 с.
20. Лев Толстой и Китай: недостижимая мечта великого литератора [Электронный ресурс] // Synergy Times. 31.08.2023. URL: <https://synergytimes.ru/switch/lev-tolstoy-i-kitay-nedostizhimaya-mechta-velikogo-literatora> (дата обращения: 14.10.2024).
21. Лев Толстой в Иерусалиме: Материалы международной научной конференции «Лев Толстой: после юбилея», [Иерусалим, 24–26 октября 2011 года] / [Сост. Е.Д. Толстая]. М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 430 с.
22. Лихачев Д. С. Величие гения: о Л. Н. Толстом // Двести десять шагов: статьи о литературе и искусстве. Поэма. М.: Правда, 1979. С. 19–21.
23. Мир «Азбуки Льва Толстого»: Кн. для учителя / Шадская А. В., Ремизов В. Б., Трофимова Н. А., Ежов И. В. Тула, 1995. – 200 с.

- 24.Насири, Н. Мотивы «Маснави Манави» Мовлана Джалаледдина Руми в русских книгах для чтения Л.Н. Толстого // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Литературоведение. Журналистика. № 1. С. 79–83.
- 25.Николаева Е.В. «Азбука» Льва Толстого // Литература в школе М., 2010. № 2. С. 7–10.
- 26.Одинокое В. Г. Поэтика романов Л. Н. Толстого. Новосибирск: Наука, 1978. – 160 с.
- 27.Паперно И. А. «Кто я? Что я?»: Толстой в своих дневниках, письмах, воспоминаниях, трактатах / Ирина Паперно; пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 232 с.
- 28.Переломов Л. С. Лев Николаевич Толстой о конфуцианстве и будущем Китая // Человек и культура Востока. Исследования и переводы. М.: 2016. С. 30–38.
- 29.Ранчин А.М. Переключка Камен: [филологические этюды: сборник статей] / Андрей Ранчин. М.: Новое лит. обозрение, 2013. – 656 с.
- 30.Сливицкая О.В. «Истина в движении». О человеке в мире Л. Толстого. СПб.: Амфора, ТИД Амфора, 2009. – 443 с.
- 31.Сунь Юэ. Сказка Л. Н. Толстого «Китайская царица Силянчи» и ее китайские первоисточники // Русский язык и литература в тюркоязычном мире: современные концепции и технологии. Казань, 2018. С. 74–75.
- 32.Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худ. лит., 1982. Т. 21. – 543 с.
- 33.Хеллман Б. Северные гости Льва Толстого: встречи в жизни и творчестве / [перевод со шведского А. Лавруши]. М.: Новое лит. обозрение, 2021. – 545 с.
- 34.Хеллман Б. Сказка и быль. История русской детской литературы. М.: НЛО, 2016. – 555 с.
- 35.Чернышевский Н. Г. Детство и отрочество. Сочинение графа Л. Н. Толстого. Военные рассказы графа Л. Н. Толстого // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: в 15 т. Т. 3. М.: Гослитиздат, 1947. С. 421–431.

36. Чу Шэннань. Л. Н. Толстой и китайская интеллигенция в конце XIX–начале XX вв. // Вестник АмГУ. 2016. Вып. 74. С. 108–111.
37. Шифман А. И. Лев Толстой и Восток / А. И. Шифман; АН СССР. Ин-т востоковедения. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1971. – 550 с.
38. Шкловский В. Б. О теории прозы. М.: Федерация, 1929. – 265 с.
39. Шнейдер М. Е. Русская классика в Китае. Переводы. Оценки. Творч. освоение / М.Е. Шнейдер; АН СССР, Ин-т востоковедения. М.: Наука, 1977. – 272 с.
40. Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой: исследования. Статьи / Б. М. Эйхенбаум; сост., вступ. статья, общ. ред. проф. И. Н. Сухих; коммент. Л. Е. Кочешковой, И. Ю. Матвеевой. – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. – 952 с.
41. Эйхенбаум Б. М. Молодой Толстой. СПб.; Берлин: 1922. – 156 с.
42. Эйхенбаум Б., Юнович М. и др. Толстой Л. Н. // Большая советская энциклопедия / Под ред. С. И. Вавилова и др. Т. 54. М.: ОГИЗ СССР, 1946. – С. 448–476.
43. 任光宣. 俄罗斯文学简史. 北京: 北京大学出版社, 2006年 (Жэнь Гуансюань. Краткая история русской литературы. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2006).
44. 李措吉: 《试论安娜卡列尼娜形象的悲剧意义》青海社会科学, 1994年, 第69页. (Ли Цзоцзи. Попытка осмыслить трагическое значение образа Анны Карениной. Цинхай, общественные науки, 1994, 69 с.).
45. 王永奇: 《托尔斯泰笔下女性人物形象的性别文化阐释》陕西师范大学, 2006年, 第17–18页 (Ван Юнцзи. Гендерно-культурная интерпретация женских персонажей Толстого. Педагогический университет Шэньси Наука, 2006. С. 17–18).
46. 南京大学学报·哲学·人文科学·社会科学, 1986 (Вестник Нанкинского педагогического университета. Социальные науки. 1986. № 3).
47. Bodde D. Tolstoy and China. Princeton, Princeton University Press, 1950. 119 p.

48. Shan Shili. 单士厘 1863-1943 Présentation [Электронный ресурс]. URL: [http://www.chinese-shortstories.com/Auteurs de a z Shan Shili.htm](http://www.chinese-shortstories.com/Auteurs_de_a_z/Shan_Shili.htm) (дата обращения: 20.15.2025).